

У М Б Е Р Т О
Ж

UMBERTO ECO

POSTILLE AL
NOME DELLA ROSA

УМБЕРТО ЭКО
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
«ИМЕНИ РОЗЫ»

Перевод с итальянского
Елены Костюкович

издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.131.1-3
ББК 84(4ИТА)-44
Э40

Published by arrangement with ELKOST Intl. Literary Agency

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Эко, Умберто.

Э40 Заметки на полях «Имени розы» / Умберто Эко; пер. с итал. Е. Костюкович — М. : Издательство АСТ : CORPUS, 2025. — 160 с.

ISBN 978-5-17-095956-3

Умберто Эко (р. 1932 г.) написал шесть романов: планетарный бестселлер «Имя розы», известнейшие «Маятник Фуко», «Остров Накануне», «Баудолино», «Таинственное пламя царицы Лоаны» и «Пражское кладбище». Книги эти считаются занимательными, но и сложными; ясными, но и полными загадок. Именно поэтому читатели, раззадоренные интеллектуальными играми под знаком романтики, в стихии юмора, охотно перечитывают эти книги, обсуждают, спорят.

Только единожды сам автор вошел в круг спорщиков и толкователей, написав умное, веселое и очень занятное пояснение: «Заметки на полях «Имени розы». Текст этот больше всего похож на блог. Хотя не будем забывать, что создан он еще до появления всех на свете блогов, до изобретения интернета и даже до распространения персональных компьютеров.

УДК 821.131.1-3
ББК 84(4ИТА)-44

ISBN 978-5-17-095956-3

- © RCS Libri S.p.A. — Milano Vompiani 1980—2010
- © Е.Костюкович, перевод на русский язык, 1999
- © А.Бондаренко, оформление, 2011
- © ООО «Издательство АСТ», 2025
Издательство CORPUS ®

Содержание

Заглавие и смысл	7
Рассказывание процесса	21
Разумеется, Средневековье	29
Маска	41
Роман как космологическая структура	47
Кто говорит?	61
Фигура умолчания	75
Дыхание	81
Сотворить читателя	91

УМБЕРТО ЭКО. *Заметки на полях «Имени розы»*

Метафизика детектива	105
Развлекательность	113
Постмодернизм, ирония, занимательность	127
Исторический роман	143
Чтоб закончить	155

Заглавие и СМЫСЛ

*Rosa que al prado, encarnada,
te ostentas presuntuosa
de grana y carmín bañada:
campa lozana y gustosa;
pero no, que siendo hermosa
también serás desdichada¹.*

JUANA INÉS DE LA CRUZ

После выхода «Имени розы» я получаю читательские письма с просьбой объяснить смысл заключительного латинского гекзаметра и его связь с названием книги. Отвечаю: цитата взята из поэмы «De contemptu mundi»² бенедиктинца Бернарда Морланского (XII в.). Он разрабатывает тему «ubi sunt»³ (откуда впоследствии и «où sont les neiges d'antan»⁴ Вийона). Но у Бернарда к традиционному топосу (великие му-

жи, пышные города, прекрасные принцессы — все превратится в ничто) добавлена еще одна мысль: что от исчезнувших вещей остаются пустые имена. Напоминаю — у Абеляра пример «*nulla rosa est*»⁵ использован для доказательства, что язык способен описывать и исчезнувшие и несуществующие вещи. Засим предлагаю читателям делать собственные выводы.

Автор не должен интерпретировать свое произведение. Либо он не должен был писать роман, который по определению — машина-генератор интерпретаций. Этой установке, однако, противоречит тот факт, что роману требуется заглавие.

Заглавие, к сожалению, — уже ключ к интерпретации. Восприятие задается словами «Красное и черное» или «Война и мир». Самые тактичные, по отношению к

читателю, заглавия — те, которые сведены к имени героя-эпонима. Например, «Давид Копперфильд» или «Робинзон Крузо». Но и отсылка к имени эпонима бывает вариантом навязывания авторской воли. Заглавие «Отец Горио» фокусирует внимание читателей на фигуре старика, хотя для романа не менее важны Растиньяк или Вотрен-Коллен. Наверно, лучше такая честная нечестность, как у Дюма. Там хотя бы ясно, что «Три мушкетера» — на самом деле о четырех. Редкая роскошь. Авторы позволяют себе такое, кажется, только по ошибке.

У моей книги было другое рабочее заглавие — «Аббатство преступлений». Я забраковал его. Оно настраивало читателей на детективный сюжет и сбило бы с толку тех, кого интересует только интрига. Эти люди купили бы роман и горько разочаро-

вались. Мечтой моей было назвать роман «Адсон из Мелька». Самое нейтральное заглавие, поскольку Адсон как повествователь стоит особняком от других героев. Но в наших издательствах не любят имен собственных. Переделали даже «Фермо и Лючию»⁶. У нас крайне мало заглавий по эпонам, таких, как «Леммонио Борео»⁷, «Рубе»⁸, «Метелло»⁹. Крайне мало, особенно в сравнении с миллионами кузин Бетт¹⁰, Барри Линдонов¹¹, Арманс¹² и Томов Джонсов¹³, населяющих остальные литературы.

Заглавие «Имя розы» возникло почти случайно и подошло мне, потому что роза как символическая фигура до того насыщена смыслами, что смысла у нее почти нет: роза мистическая¹⁴, и роза нежная жила не дольше розы¹⁵, война Алой и Белой розы¹⁶, роза есть роза есть роза есть роза¹⁷,

розенкрейцеры¹⁸, роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет¹⁹, *rosa fresca aulentissima*²⁰. Название, как и задумано, дезориентирует читателя. Он не может предпочесть какую-то одну интерпретацию. Даже если он доберется до подразумеваемых номиналистских толкований последней фразы, он все равно придет к этому только в самом конце, успев сделать массу других предположений. Название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их.

Ничто так не радует сочинителя, как новые прочтения, о которых он не думал и которые возникают у читателя. Пока я писал теоретические работы, мое отношение к рецензентам носило протокольный характер: поняли они или не поняли то, что я хотел сказать? С романом все иначе. Я не

говорю, что какие-то прочтения не могут казаться автору ошибочными. Но все равно он обязан молчать. В любом случае. Пусть опровергают другие, с текстом в руках. Чаще всего критики находят такие смысловые оттенки, о которых автор не думал. Но что значит «не думал»?

Одна французская исследовательница, Мирей Каль-Груббер, сопоставила употребление слова «*semplici*» в смысле «простецы, бедняки» с употреблением «*semplici*» в смысле «лекарственные травы» и пришла к выводу, что подразумеваются «плевелы ереси»²¹. Я могу ответить, что существительное «*semplici*» в обоих случаях заимствовано из контекстов эпохи — равно как и выражение «плевелы ереси». Разумеется, мне прекрасно известен пример Греймаса о двойной изотопии, образующейся, когда

травщика называют «amico dei semplici» — «друг простых». Сознательно или бессознательно играл я на этой двусмысленности? Теперь это неважно. Текст перед вами и порождает собственные смыслы.

Читая рецензии, я вздрагивал от радости, видя, что некоторые критики (первыми были Джиневра Бомпьяни²² и Ларс Густафсон²³) отметили фразу Вильгельма в конце сцены инквизиционного суда: «Что для вас страшнее всего в очищении?» — спрашивает Адсон. А Вильгельм отвечает: «Поспешность». Мне очень нравились, и сейчас нравятся, эти две строчки. Но один читатель указал мне, что на следующей странице Берnard Ги, пугая келаря пыткой, заявляет: «Правосудию Божию несвойственна поспешность, что бы ни говорили лжеапостолы. У правосудия Божия в